

Глава 32. Безделушки

Вечером, едва закончился ужин, Ань Цзыянь не остался у очага, как делал обычно. Вместо того чтобы греться у весело потрескивающих углей и вести ленивые беседы с домочадцами, он поспешил уйти к себе.

— И почему Янь-эр так переменился в лице после этого гадания? — обеспокоенно вздохнул Фэн Бэйцэ, провожая сына взглядом. — Ведь уходил в храм в таком прекрасном расположении духа!

Отрешённость Цзыяня беспокоила не только Чоу Хуайшэна. Фэн Бэйцэ тоже места себе не находил от тревоги: больше всего на свете он боялся, что сыну выпало дурное предзнаменование.

— Вдруг и правда предсказание сулит несчастье? — задумчиво произнёс Ань Цзыпин. — Но даже если так, уверен, настоятель Хуэймин указал бы брату верный путь. Помните, ведь мне когда-то тоже выпала самая несчастливая палочка? К счастью, он наставил меня, оттого я и сумел взять в жёны такое сокровище.

С этими словами Цзыпин с нежной теплотой посмотрел на свою супругу. Госпожа Лю, смутившись от столь пылко признания при родителях, потупила взор и слегка покраснела.

— Пойду-ка я навещу его, — вызвался Чоу Хуайшэн. — Попробую разузнать, что на душе, да утешить, если смогу.

— Вот и славно. Ступай, похлопochи о нём, — с благодарностью кивнул Фэн Бэйцэ.

По правде говоря, Хуайшэн давно пришёлся ему по сердцу. Бэйцэ втайне надеялся, что юноша ради Цзыяня решит остаться с ними насовсем, но понимал, что загадывать пока рано — судьба слишком капризна.

— Тогда я пойду, — вежливо поклонился Хуайшэн и направился к покоям Ань Цзыяня.

В своей комнате Ань Цзыянь сидел у стола и бережно перебирал плетёные безделушки, которые когда-то смастерил для него Хуайшэн. Он мягко и мечтательно улыбался. Он отлично помнил, какими сочно-зелёными были эти фигурки из свежих листьев и травы, когда он только получил их. Теперь они пожелтели и высохли, но время пощадило их: хрупкие стебли сохранили гибкость и не ломались от прикосновений.

Цзыянь увлёкся своим занятием настолько, что даже не услышал, как скрипнула дверь и в покои бесшумно вошёл гость. А пришёл к нему не кто иной, как Чоу Хуайшэн.

— Цзыянь... — негромко позвал Хуайшэн.

Юноша не откликнулся.

— Цзыянь? — чуть громче повторил он.

И снова безответно. Хуайшэн мягко улыбнулся и больше звать не стал. Сделав несколько шагов к столу, он решил полюбоваться на своего возлюбленного и узнать, что же так сильно поглотило его внимание, заставив забыть обо всём на свете.

Подойдя ближе, Хуайшэн с удивлением обнаружил в тонких пальцах Цзыяня одну из тех забавных поделок, что он сплёл для него на горе Небесного Духа. Рядом на столе лежал старый деревянный ларец, который Цзыянь когда-то выпросил у него. Оказалось, шкатулка доверху набита его нехитрыми дарами.

Хуайшэн замер. В памяти мгновенно ожил день их отъезда со Священной горы. Он прекрасно помнил, как сам уложил все вещи Цзыяня, но тот в последний момент вдруг спохватился и побежал обратно в комнату, уверяя, что забыл нечто крайне важное. Неужели этой «важностью» были обычные сухие травинки?

Хуайшэн вспомнил рассказы домашних о том, как безутешен был Цзыянь после расставания на горе, как увядал день за днём, пока он сам не явился в столицу. В груди разлилось щемящее тепло, смешанное с лёгкой самоиронией.

«И что во мне такого особенного? — подумал он. — За какие такие заслуги меня можно любить столь беззаветно, забывая о еде и сне?»

— Надо же, ты всё это сберёг, — негромко произнёс Хуайшэн. — А я-то думал, ты давно их выбросил.

Он протянул руку и аккуратно достал из ларца плетёного кузнечика. К брюшку игрушки крепилась тончайшая бамбуковая нить — если слегка потянуть за её кончик, кузнечик принимался забавно прыгать, совсем как живой.

Хуайшэн хотел было положить кузнечика обратно, но взгляд его зацепился за аккуратно сложенный клочок бумаги на самом дне шкатулки. Движимый любопытством, он потянулся к записке, однако Цзыянь мгновенно опомнился. Вскочив со стула, он ловко выхватил ларец из-под самого носа Хуайшэна и спрятал его за спину.

— Брат Хуайшэн! — взволнованно воскликнул Цзыянь, заливаясь краской до самых кончиков ушей. — Ты... когда ты вошёл? Почему не предупредил?!

Он густо покраснел от смущения. Цзыяню хотелось сквозь землю провалиться от мысли, что Хуайшэн застукал его за таким ребячеством.

«Какой позор... — пронеслось у него в голове. — Ну как мне теперь смотреть ему в глаза?»

— Я звал тебя, и даже дважды, да только ты витал где-то в облаках, — добродушно усмехнулся Хуайшэн. — И всё же, что там за тайное послание на дне ларца? Неужели твоему брату Хуайшэну даже взглянуть на него глазком нельзя?

— Ничего особенного! — затараторил Цзыянь, преданно пряча шкатулку за спиной. — Обычный обрывок бумаги, правда, ничего важного! А эти игрушки... они просто очень милые, вот я их и приберёг.

Разве мог он признаться, что собирал эти безделушки лишь ради того, чтобы у него осталось хоть что-то на память о любимом человеке? Одно то, что Хуайшэн увидел шкатулку, заставляло его бешено волноваться от стыда, а уж выложить всю правду и вовсе казалось выше его сил.

— Вот оно как, — протянул Хуайшэн, не сводя с него лукавого взгляда. — А я-то, грешным делом, подумал, что мой дорогой Цзыянь хранит их как память обо мне. Выходит, зря я обольщался?

Видеть, как забавно смущается юноша, было для него истинным удовольствием, и Хуайшэн просто не мог упустить случая подразнить его.

— И вовсе не... с чего бы мне хранить их ради этого! — пробормотал Цзыянь, косясь в сторону.

Он отчаянно избегал прямого взгляда Хуайшэна. Тот же хранил молчание и лишь мягко, но непреклонно прищурился, отлично зная: под этим взглядом крепость юноши долго не продержится. И действительно, не выдержав безмолвного давления, Цзыянь шумно выдохнул и окончательно сдался.

— Ну хорошо, хорошо! — воскликнул он, махнув рукой. — Да, я храню их, чтобы помнить о тебе! Но ведь тогда мы ещё не были вместе. Я понимал, что рано или поздно мне придётся покинуть гору, и я изнывал от тоски. Я не знал, как ты отреагируешь, если признаюсь в своих чувствах. Вдруг ты бы отверг меня, и мы даже друзьями остаться не смогли бы? Вот я и решил забрать эти вещицы с собой... Думал, буду смотреть на них тихими вечерами, и тоска хоть немного отпустит.

«Но, к счастью, ты пришёл за мной. Мы вместе, и это всё, что теперь имеет значение», — добавил он про себя, согретый этой мыслью. Вслух произносить эти слова он всё же постеснялся.

— Глупенький... — ласково прошептал Хуайшэн. — Отныне я всегда буду рядом.

С этими словами он шагнул вперёд и крепко обнял Цзыяня. Тот от неожиданности замер, не в силах шевельнуться. Тёплые объятия вытеснили из его головы все мысли, и он даже не

заметил, как деревянная шкатулка выскользнула из ослабевших пальцев и с негромким стуком упала на пол.

— Ловлю тебя на слове, — прошептал Цзыянь, утыкаясь носом в его плечо. — Обещай, что бы ни принесло нам будущее, ты не оставишь меня.

— Слово мужчины крепче кремня, — тихо, но твёрдо ответил Хуайшэн.

Цзыянь облегчённо вздохнул и обнял его в ответ, прижимаясь всем телом. Они стояли так долго, согревая друг друга в полумраке комнаты, пока Хуайшэн наконец не вспомнил, зачем пришёл. Нехотя разомкнув объятия, он заглянул в глаза юноши и спросил:

— И всё-таки, что за предсказание ты получил сегодня в храме? Ты сам не свой после этого гадания.

— Ничего страшного, обычное среднее предзнаменование, — качнул головой Цзыянь. — К тому же настоятель Хуэймин подарил мне защитный амулет. Сказал, что он сбережёт меня от любых невзгод и поможет отвести беду.

Хуайшэн молча кивнул. Расспрашивать дальше он не стал, не желая беречь душу любимого.

— Время уже позднее, да и прошлую ночь ты почти не спал. Ложись-ка сегодня пораньше, — мягко проговорил он, погладив Цзыяня по плечу. — И пообещай мне кое-что: если тебя будет что-то тревожить, не держи это в себе. Твоё молчание пугает близких. Внизу только и разговоров было, что о твоей печали. Весь дом из-за тебя на иголках.

— Прости, я кругом виноват, — повинился Цзыянь. — Завтра же спущусь к ним и всё объясню.

Ему стало совестно. Цзыянь только сейчас в полной мере осознал, что из-за мимолётной хандры заставил родных изнывать от тревоги.

«Как нехорошо вышло», — укорил он себя.

— Будет тебе сокрушаться, просто впредь береги их покой, — улыбнулся Хуайшэн. — Приберись здесь и ложись спать. А я пойду к себе.

— Доброй ночи. Тебе тоже нужно отдохнуть, — тихо ответил Цзыянь.

Хуайшэн ободряюще улыбнулся и переступил порог покоев, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Проводив его взглядом, Цзыянь опустился на колени и поднял с пола шкатулку. Он бережно,

одну за другой, уложил высохшие травяные фигурки обратно на мягкое ложе, закрыл крышку и спрятал ларец в самый надёжный уголок.

Затем он обошёл комнату, проверил засовы на окнах, затворил дверь и забрался под тёплое одеяло. Тревожные мысли о грядущем постепенно угасали. Цзянь закрыл глаза, решив, что встретит любые испытания судьбы тогда, когда они постучатся в его дверь, а сейчас пришло время просто довериться ночной тишине.

<http://bllate.org/book/18341/1865467>